

— Зачем мне скорбеть по этому негодяю императору? — Госпожа Цин сердито покосилась на него, и вдруг её глаза наполнились слезами. Она швырнула кувшин вина и принялась вытирать слёзы. — Я оплакиваю своего бедного ребёнка, умершего так рано! Сыночек мой! Он был таким маленьким!

И она залилась громким плачем.

Лу Чжэнмин, до этого наблюдавший за происходящим с интересом, вдруг стал серьёзен. Его взгляд углубился, когда он смотрел на госпожу Цин, рыдавшую так, что, казалось, могла потрясти горы.

Управляющий Дворца Нефритовой Жабы и другие обитательницы холодного дворца сохраняли безучастные, привычные ко всему лица.

Хэ Сы не выносил, когда женщины плакали. Это всегда затягивалось и сопровождалось бесконечными причитаниями. Однако госпожа Цин была женщиной прямолинейной и, в отличие от прочих дам дворца, не склонной к долгим жалобам. Он решил проявить участие и спросил:

— По какому же ребёнку вы изволите скорбеть?

Этот вопрос застал только что рыдавшую надрывисто госпожу Цин врасплох. Она замерла, а затем её глаза загорелись. Тайком она поманила Хэ Сы:

— Сяо Сы, иди сюда. Я тебе расскажу! Мой ребёнок был удивительно умен, прекрасен собой, настоящий дракон среди людей! С первого взгляда было видно — это воплощение звезды Цзывэй, законный наследник трона того негодяя императора!

Хэ Сы почувал неладное. Наклонившись, он так же тихо спросил:

— Ваша светлость, в прошлый раз вы говорили, что ваш драгоценный наследник пропал во время войны. Как же он тогда умер?

Лицо госпожи Цин на мгновение стало пустым, но она тут же сурово отчитала его:

— Какой умер, не умер! Он притворился мёртвым! Инсценировал смерть!

Хэ Сы с невозмутимым видом выпрямился, сложил руки в рукавах и подозвал управляющего дворцом:

— Госпожа, кажется, сегодня ещё не принимала лекарство? Поспешите подать его.

Госпожа Цин: «...»

Евнухи поспешили подойти и бережно подняли госпожу Цин, чтобы отвести её обратно в покои:

— Ваша светлость, не тревожьтесь. На улице холодно, а вы боитесь холода. Пожалуйста, вернитесь внутрь.

— Я не тревожусь! Я не сумасшедшая! Я не буду пить лекарство! — Госпожа Цин отчаянно сопротивлялась, но её всё равно уводили. Она обернулась и пристально, не отрываясь, смотрела на лицо Хэ Сы. — Сяо Сы! Запомни! Найди моего младшего сына! Он... он выглядит...
— Её глаза метались, останавливаясь то на лице Хэ Сы, то на лицах окружающих евнухов и

служанок. Вдруг она указала на человека рядом с Хэ Сы. — Вот! Он выглядит именно так!

Хэ Сы: «...»

Лу Чжэнмин: «...»

Хэ Сы обернулся и без всяких эмоций посмотрел на тощего Лу Чжэнмина:

— Принц, инсценировавший смерть? И при этом удивительно умен и прекрасен собой?

Лу Чжэнмин нагло ухмыльнулся:

— Папаша, ты увидишь, что в определённых ситуациях я бываю исключительно~ мил.

Блеск в его глазах заставил Хэ Сы вздрогнуть. Он поспешно отступил на несколько шагов. На мгновение ему показалось, что взгляд Лу Чжэнмина словно хочет его проглотить.

«Неужели в Императорской гвардии тоже людоеды?» — с недоумением подумал Хэ Сы.

Вскоре после того как госпожу Цин увели в покои, полынь с крыши и холстина со двора были убраны. Хэ Сы, хоть и считал, что эта безумная госпожа постоянно городит чепуху и то и дело зовёт его, чтобы подразнить, всё же помнил, что о ней просил позаботиться его покойный наставник перед отставкой. Он нестрого напомнил управляющему:

— В этом году запроси у Внутреннего управления побольше угля и ватных одеял, скажи, что это по моему указанию. В обычные дни, если госпожа любит говорить вздор, не мешай ей, главное — чтобы за ворота Нефритовой Жабы ничего не выносилось. Понял?

Управляющий закивал, кланяясь:

— Понял, понял! Всё будет исполнено в точности, как приказало ваше превосходительство.

Разобравшись с этими мелочами, Хэ Сы ещё раз взглянул на тёмные, словно глазницы, окна главного зала. В этот раз слова госпожи Цин оставили в его душе странное, необъяснимое чувство беспокойства, которого раньше не было.

«Что за чудеса, — подумал он. — Неужели я и сам от усталости с ума схожу?»

Зажав в руках тёплый мешочек, он молча вышел за ворота Дворца Нефритовой Жабы, не стал вызывать паланкин и пошёл по Вечному переулку.

Вечный переулок был местом, куда почти не проникал солнечный свет, сумрачным и холодным. Особенно в это время года ветер, гулявший по переулку, свистел и носился, острый как лезвие, обжигая лицо, так что глаза невольно зажмуривались от боли.

Хэ Сы, погружённый в свои мысли, сделал несколько шагов, как вдруг кто-то положил руки ему на плечи. Он рефлекторно рванулся, пытаясь схватить нападавшего сзади, но тот ловко уклонился и снова нажал, так что вырваться уже не удалось.

Едва эти руки коснулись его, Хэ Сы понял, кто осмелился на такую вольность. Стиснув зубы, он язвительно процедил:

— Лу, ты жизни не дорожишь?

Внезапная перемена заставила Хэ Сы забыть о всяких приличиях и осанке; он просто с силой лягнул назад.

На этот раз Лу Чжэнмин не стал уворачиваться, приняв удар на себя. Он с шипением втянул воздух и, понизив голос, рассмеялся:

— Ваше превосходительство, теперь вы называете меня по фамилии? А ещё недавно ласково величали сыночком?

Хэ Сы дёрнулся пару раз, но не смог освободиться, позволив той грязной лапе сжимать свою руку. С фальшивой улыбкой он сказал:

— Столько лет живу, а впервые вижу, чтобы кто-то так рвался в сыновья.

Внимание Лу Чжэнмина было приковано к руке, которую он держал. Та не была столь же прекрасна, как лицо её владельца: на ладони и пальцах лежали тонкие мозоли, возможно, когда-то ещё более грубые. Однозначно — рука не изнеженного отпрыска знатного рода.

Он погладил её, а затем вцепился пальцами в промежутки между пальцами Хэ Сы. Пальцы, однако, не были короткими и корявыми, как у деревенского грузчика, — кости длинные, суставы изящные, хорошая рука для кисти и туши.

Лу Чжэнмин вспомнил, каким впервые увидел этого человека: подперев щеку рукой, он сидел за письменным столом, погружённый в свои мысли, словно совершенно не замечая окружающих взглядов.

Черты лица, купавшиеся в мягком солнечном свете, пальцы, лениво вертящие маленькую кисть из козьей шерсти, — изысканный, словно сошедший с картины.

Но когда он в панике вскакивал и бросался куда-то, эта аристократическая праздность мгновенно исчезала, он становился стремительным, как заяц, на которого наступили на хвост, весь излучая живость и сметку.

Лу Чжэнмин тогда сразу подумал: занятный человек. Похож и на деревенского сорванца, и на молодого господина из княжеских покоев.

...

Хэ Сы ждал ответа, но стоявший сзади не отвечал, только рука, сжимавшая его, становилась всё смелее, всё откровеннее. Лицо Хэ Сы внезапно вспыхнуло — то ли от ярости, то ли... от смущения.

Впервые в жизни ощутив, что такое стыд, Хэ Сы ещё не успел разобраться в смутной тревоге в груди, как уже взорвался:

— Ты, куда это ты свою грязную лапу суёшь!

Лу Чжэнмин от его окрика опешил и, наоборот, инстинктивно сильнее сжал пальцы.

Огонь от лица Хэ Сы перекинулся на макушку. Он неловко развернулся наполовину и яростно уставился на не ведающего страха младшего гвардейца, сквозь зубы процедив:

— От... пусти!

Лу Чжэнмин вздрогнул, осознав, что его занесло — или он слишком вжился в роль? — и он открыто домогался наместника Восточной палаты прямо в императорском дворце. Он мгновенно, словно от электрического удара, разжал пальцы, хотел что-то сказать, но Хэ Сы уже с ненавистью отшвырнул его руку и крупными шагами двинулся вперёд.

Он нёсся прочь, словно от чумы.

Лу Чжэнмин рассмеялся, глядя на его паническое бегство, и хотел было догнать, чтобы извиниться и как-то замять эту явно оскорбительную нелепую выходку.

Сделав пару шагов, он, видимо, был услышан — молодой наместник резко остановился, не оборачиваясь, бросил через плечо леденящим тоном:

— Если подойдёшь ещё на шаг, с сегодняшнего дня останешься во дворце евнухом!

Для пущего устрашения он громко позвал своего неотлучного, преданного телохранителя:

— Чжао Цзинчжун! Слышал?

Призрачный стражник, неизвестно откуда взявшись, возник между ними, уставившись на Лу Чжэнмина с угрожающим видом.

Лу Чжэнмин никогда не ставил этого туповатого болвана ни в грош, но хозяин его был действительно разгневан. Если продолжать преследование, не ровён час — в дворце начнётся потасовка, а это было ни к чему. Он лишь сделал первый шаг к самой вершине власти Великой Янь, шаг, внешне блестящий, но в действительности полный опасностей. Сейчас было не время для опрометчивых действий, привлекающих внимание.

Лу Чжэнмин остановился, позволив тому впереди исчезнуть в глубине Вечного переулка, словно дым.

<http://bllate.org/book/16284/1467121>